

— Сначала мюзикл, — сказала Шэнь Фэй. — Всегда сначала идут малые номера, а потом крупные. Но я взглянула на жеребьевку: наш мюзикл — последний из малых номеров, а хор нашего класса — первый среди крупных. Получается, они идут прямо друг за другом.

— Эх, — глубоко вздохнул Ло Хань. — Ну и отлично, разом со всем покончим.

— Нет, — серьезно возразил Е Сы. — Это два удара подряд, чтоб уж наверняка.

Ребята дружно расхохотались, и Шэнь Фэй со смехом добавила:

— Вы пока прогоните сцену пару раз без меня, а я сбегаю встречу Сяо Цзяня.

— Сяо Цзянь уже вернулся?! — услышав это, Е Сы аж подпрыгнул. На репетициях роль Сяо Цзяня всегда пропускали, и даже во время последнего прогона его еще не было. Е Сы уже успел закрутиться и забыть, что тот вообще должен приехать.

— Бог Е, спокойнее, — не переставала смеяться Шэнь Фэй. — По-моему, ты взволнован даже больше, чем я.

Шэнь Фэй ушла встречать гостя, а остальные участники поднялись на сцену.

Задумка у номера Е Сы и остальных была глубокая и полная смысла, но вот воплощение выходило загадочно-комедийным. Пока они выступали на сцене, ученики из других классов, украшавшие зал, непрерывно хохотали. А когда Сун Сюй и Вэнь Чэнь начали играть в «Приседания редисок», зал просто взорвался смехом. В итоге, когда дошла очередь до Хэ Сю и Е Сы, никто толком ничего и не понял: в кадре просто мельком мелькнули два первых красавца школы — и номер завершился.

— Там кто-то сфальшивил, да? — Ло Хань опустил микрофон. — Я почему-то вообще не слышал фонограмму и себя не слышал, даже не понял, как петь.

— Не дрейфьте, — подбежал кто-то из организаторов. — В актовом зале сложная акустика, такое бывает. Когда выйдете на сцену, вам всем раздадут ушные мониторы.

Услышав это, Е Сы тут же дернул Хэ Сю за рукав:

— У нас еще и мониторы будут!

— Слышал, — с улыбкой кивнул Хэ Сю. — Не дрейфь.

Сказал-то «не дрейфь», однако Е Сы заметил, как Хэ Сю отвернулся, надел собственные наушники и еще пару раз переслушал песню для хорового выступления — особенно их совместную строчку.

Глядя на его сосредоточенный профиль, Е Сы едва удерживался от смеха.

Его собственная строчка «Кто сможет забыть ту боль, через которую вы прошли вместе» звучала не совсем к месту, поэтому он втайне переделал ее и во время официального выступления собирался спеть обновленный вариант.

На самом деле менее уместной была как раз строчка Хэ Сю, но Е Сы и не думал просить его менять текст. Напротив, он с нетерпением ждал, какое потрясенное лицо будет у Хэ Сю после того, как они споют.

Ему как раз нужен был этот эффект: «Смотри, я переделал, а ты нет! Я куда трепетнее отношусь к нашим отношениям!».

Е Сы вздохнул: «Влюбленные — настоящие дурачки».

Старина Ма прибежал и закричал:

— 4-й класс, 4-й класс! Давайте на сцену, быстренько прогоним хор разом, остальные классы тоже ждут своей очереди!

— А Сяо Цзянь пришел? — кто-то высунулся из группы.

— Пришел, — донесся из-за кулис голос Шэнь Фэй.

Все обернулись к кулисам. Сначала из-за занавеса показалась инвалидная коляска, а затем и сидящий в ней Сяо Цзянь в верблюжьем свитере.

Они не виделись довольно долго, и Сяо Цзянь, казалось, немного прибавил в весе. Удивительный он был человек: после каждой тяжелой операции каким-то образом умудрялся поправляться.

Е Сы смерил его взглядом с ног до головы, словно серпом созревший урожай, от лба до подбородка, и обнаружил, что парень буквально пышет здоровьем. Его вид стал еще мягче, чем прежде, но при этом от него так и веяло жизнерадостной энергией.

— Сяо Цзянь! — Е Сы подбежал и хлопал по спинке коляски. — Наконец-то снова тебя видим!

Хэ Сю тоже подошел и с улыбкой сказал:

— Подем, мы откатим тебя в самый центр.

— Отлично, давайте! — Цзянь Минцзэ несколько не возражал, его голос звенел от радости. — Бог Учебы, Бог Е, как же хорошо снова вас видеть.

— Действительно хорошо, — Е Сы крепко потормошил его за плечо. — Посмотри на себя, прямо цветешь и пашешь!

— Ну, до этого мне еще далеко, — засмеялся Цзянь Минцзэ. — Ноги, кажется, заживают даже медленнее, чем почки. Теперь каждый день учусь заново медленно ходить, то еще мучение.

— Ничего, настанет день, и ты встанешь! — Е Сы с душой хлопнул по спинке инвалидного кресла. — Не дрейфь!

Стоило Цзянь Минцзэ вернуться, как он тут же превратился в национальное достояние: каждый подходил перекинуться парой слов или потрогать его. С трудом старине Ма удалось собрать всех вместе, еще полчаса ушло на расстановку. Высоких, длинноногих и красавцев Е Сы и Хэ Сю поставили в самый центр последнего ряда.

Репетиция хора проходила без музыкального сопровождения. Ло Хань задал тон, и все запели хором.

Ох и пение это было! Ученики из других классов внизу уже через пару строчек чуть не корчились от смеха. Весь класс фальшивил, причем умудряясь выдавать семь или восемь разных тональностей одновременно. Те, кто забывал слова, начинали напевать «ла-ла-ла», а

когда наступила очередь сольной партии Е Сы, тот до того рассмеялся, что вообще не смог петь, так что Хэ Сю даже не понял, с какого момента ему подхватывать.

Полнейший хаос. Старина Ма внизу чуть на стул не залез от досады:

— А где же ваша обещанная полная уверенность?!

На сцене никто не ответил — все просто катывались со смеху. Смех словно передавался по цепочке: обычная вроде бы ситуация невероятно рассмешила сразу несколько десятков человек.

— Эх, директор, ну дайте моему классу еще один шанс на репетицию! — старина Ма вцепился в Ху Сюцзе. — Всего пять минут!

— Исключено, — с серьезным видом отрезал Ху Сюцзе. — Дело не в пяти минутах.

— А? — опешил старина Ма.

— Я считаю, ваш класс безнадежен. Оставьте возможность следующему классу. Так, эй, гуманитарный 3-й класс! Следующие!

Обиженное лицо старины Ма растопило весь класс от хохота. Ребята спускались со сцены, шуточно толкались и, рассаживаясь на местах 4-го класса, продолжали весело смеяться.

— Так, народ, разбейтесь по три-пять человек и порепетируйте еще, а? — не сдавался старина Ма, пытаясь всех подбодрить. — Я же хочу снять видео и выложить в соцсети похвастаться! Уважайте старика, порепетируйте еще!

Никто его не слушал. Даже самая активная компания не стала заниматься пением — все обступили Сяо Цзяня и подшучивали над ним.

В пять часов актовый зал уже до отказа заполнился народом. Пришел весь третий год старшей школы. Новогодний вечер в Инчжуне — давняя традиция, и выпускные классы не были исключением. Никаких нудных речей директора не было: четверо ведущих из ученического совета — двое парней и две девушки — зачитали душевное вступительное слово, и номера пошли один за другим.

На сцене сияли софиты, а в зале царила непроглядная тьма. Е Сы сидел в темноте, рассеянно глядя на сцену и шепотом переговариваясь с Хэ Сю.

— Я только сейчас осознал, что сегодня последний день этого года, — тихо произнес Е Сы.

— Угу, — с улыбкой отозвался Хэ Сю. — Завтра наступит новый год.

— Как быстро... — не удержался от вздоха Е Сы и добавил: — И в то же время кажется, столько всего произошло.

Хэ Сю ничего не ответил, лишь в темноте сжал его ладонь, переплетя свои пальцы с его.

Е Сы подался ближе и шепнул прямо на ухо Хэ Сю:

— В следующем году тоже будем вместе, ладно?

В полной темноте Хэ Сю молниеносно повернул голову и чмокнул его в щеку:

— Всегда будем вместе.

— А сейчас встречаем учеников 4-го класса третьего года старшей школы — Шэнь Фэй, Цзянь Минцзэ, Е Сы, Хэ Сю и их одноклассников с мюзиклом «Силуэты одного года»! — воодушевленно объявил ведущий. — Просим на сцену!

Загремели бурлящие аплодисменты. Сцена сначала погрузилась во тьму, и Е Сы с Хэ Сю тут же заняли свои исходные позиции. Они стояли в самой глубине сцены и поначалу были полностью скрыты мраком.

Зазвучала музыка. Прожектор поймал силуэт Сюй Шаньюэ: она нежно закружилась в луче яркого белого света, едва касаясь носками пола и легко скользя по сцене.

Завершилось вступление, и раздался мягкий голос Шэнь Фэй. Ее пение на английском звучало удивительно гармонично. Зал уже собирался разразиться аплодисментами, но едва они начались, как тут же стихли: в луче света, сам крутя колеса инвалидного кресла, медленно появился Сяо Цзянь.

Весь мир словно замер. Слышались лишь спокойный и нежный голос Шэнь Фэй да тихий шелест страниц, когда Сяо Цзянь спокойно листал книгу, опустив голову.

Атмосфера в зале и освещение творили настоящие чудеса: номер, который во время репетиции доводил всех до колик, внезапно заставил зрителей сглотнуть подступивший к горлу ком. Е Сы в темноте смотрел на зрительный зал, затем перевел взгляд на Сяо Цзяня, чувствуя, как от нахлынувших чувств щиплет в глазах.

Сюй Шаньюэ, едва касаясь пола носками, кружась, перешла к Ло Ханю и Ци Юэ, а затем — к Сун Сюю и Вэнь Чэню.

Когда Вэнь Чэнь вышел из темноты, он казался полностью погруженным в беспросветное отчаяние. Е Сы сразу вспомнил тот день, когда пришел его отец и устроил скандал, а Вэнь Чэнь сжался в комок в углу коридора.

Зрители быстро уловили глубокий смысл происходящего. Е Сы показалось, будто кто-то внизу тихо ругнулся в сердцах, а кто-то выкрикнул: «Сун Сюй, Вэнь Чэнь, держитесь!».

Сун Сюй и Вэнь Чэнь одновременно появились в свете софитов, спокойно взглянули на зал, и их дуэт внезапно прервался.

— Белая редиска приседает! — громко выкрикнул Сун Сюй.

Вэнь Чэнь стремительно присел:

— Красная редиска приседает!

Сун Сюй резко присел вслед за ним:

— Красная редиска приседает!